

М. Хардт, А. Негри. МНОЖЕСТВО:
ВОЙНА И ДЕМОКРАТИЯ В ЭПОХУ ИМПЕРИИ
/Пер. с англ. под ред. В. Иноземцева.
М.: Культурная революция, 2006. 559 с.

Авторы рецензируемой книги — Майкл Хардт, профессор современной европейской литературы из Университете Дьюка в Северной Каролине, и Антонио Негри, убежденный революционер, идеолог "красных бригад" и автор более чем двух десятков философских трактатов. Еще в начале 90-х они написали первую совместную работу "Труды Дионисия". Затем последовали "Империя" и "Множество".

7 апреля 1979 г. Негри и 30 его соратников были арестованы в Милане по подозрению в попытке свержения государственного строя. Негри считался в то время руководителем ультралевой организации, имевшей политическое крыло в виде союза "За независимость рабочих" и военизированное — в виде так называемых "красных бригад". На следующий день ему было предъявлено обвинение в похищении и убийстве премьер-министра Италии Альдо Моро. К концу года к этому обвинению добавились другие, в том числе в 17 убийствах и ряде террористических актов. Следствие по делу Негри и его сообщников стало одним из самых резонансных событий в Италии, но вскоре обвинение по большинству эпизодов начало разваливаться из-за недостаточности улик. Когда 24 февраля 1983 г. в Риме открылся судебный процесс, список обвинений сократился более чем втрое. Популярность Негри (в том числе и как автора пяти книг, написанных за время заключения) позволила ему выставить свою кандидатуру на парламентских выборах, состоявшихся в самый разгар слушаний, в июне 1983 г. Его избрание в парламент от центральных округов Милана, Рима и Неаполя не стало неожиданностью. 8 июля процесс был прерван, и Негри покинул римскую тюрьму Ребиббиа. Однако органы правосудия инициировали процедуру лишения Негри иммунитета; накануне голосования в Палате депутатов 20 сентября 1983 г. он вынужден был уехать во Францию, где провел 14 лет, заседая в Совете Международного философского колледжа, а с 1984 г. занимая кафедру профессора социологии и политологии в Университете Париж-8 в Сен-Дени.

Суд первой инстанции в Риме признал Негри виновным по некоторым пунктам обвинения, включая терроризм и попытку свержения конституционного строя, и приговорил его к 30 годам заключения. Апелляции сократили впоследствии этот срок до 13 лет. В 1997 г. Негри — к тому времени уже всемирно известный философ — добровольно вернулся в Рим в ту же тюрьму Ребиббиа, которую покинул за 14 лет до этого. В 2001 г. он был переведен под домашний арест, а в 2003 освобожден, хотя в Италии ему по сей день запрещено принимать уча-

стие в выборах и заниматься преподавательской деятельностью в любых учебных заведениях.

О чем же пишут в своей новой книге мэтр итальянского марксизма и его молодой заокеанский коллега? Прежде всего — о нестабильном, переходном состоянии, в котором оказалась цивилизация. О радикальных переменах в экономике, общественной жизни и политической практике, которые произошли в последней четверти XX в. и сделали современный мир столь мало похожим на тот, что пытался изменить радикал Негри в свои молодые годы. О состоянии всеобщей и всепроникающей войны, которая маскируется риторикой борьбы с терроризмом и обеспечения безопасности, а на деле представляет собой изощренную систему способов подавления жизненной воли широких народных масс. И, разумеется, о гипотетическом "множестве", которое, приходя на смену "массам", может вывести человечество из исторического тупика и открыть ему дорогу "в светлое будущее". В исторической части книга в такой мере основана на реальных фактах, что порой кажется не столько теоретическим, сколько историческим исследованием. В то же время она так оптимистична по духу, что авторов нетрудно заподозрить в приверженности утопиям. В общем, эта книга — одна из самых удачных (если не самая удачная) попыток теоретического осмысления мира, сформировавшегося столетие спустя смерти основоположников марксизма.

В соответствии с основными выводами теории "постиндустриального общества", Хардт и Негри констатируют, что "в заключительные десятилетия XX века индустриальный труд утратил гегемонию, и на смену ему пришел "неовещественный" труд, т. е. — обеспечивающий либо создание нематериальных благ (знаний, информации, связей или отношений), либо эмоциональной реакции" (с. 139). Важнейшими особенностями нового вида труда они считают, во-первых, то, что ему свойственно "выходить за пределы ограниченной сферы сугубо хозяйственных процессов, напрямую вовлекаться в общественное производство и воспроизводство"; во-вторых, то, что этот вид деятельности несет на себе печать аффективности; и, в-третьих, то, что "нематериальный труд имеет тенденцию приобретать общественную форму сетей, основанных на коммуникации, сотрудничестве и эмоциональной привязанности" (с. 91). Главным следствием распространения нематериального, или неовещественного труда в книге представлено появление так называемой неовещественной собственности, которую можно воспроизводить бесконечно и которая поэтому способна находиться повсеместно в одно и то же время.

Авторы рассматривают изменение характера труда в качестве главной причины происходящей в современном мире модификации отношений собственности и обмена. По их мнению, изменение характера современной деятельности обуславливает стирание границ между рабочим и свободным временем, между деятельностью на производстве и "работой для себя", между отчужденной деятельностью и творчеством. Отсюда следует смелый вывод: в новых условиях "среди различных форм труда нет... приоритетных форм; ныне всякий труд задействован в общественном производстве" (с. 137). Он подтверждается также тем, что "производство знаний, языковых форм, сетей коммуникаций и отношений социального сотрудничества охватывает все общество, включая его беднейшие слои" (с. 166,167). "Для общественного производства, — пишут Хардт и Негри, — принципиально важны креативность и изобретательность, свойственные бедноте, безработным, лицам с частичной занятостью и мигрантам. Точно так же, как общественное производство осуществляется сегодня внутри и за пределами фабричных стен, оно в равной мере присутствует в рамках отношений най-

ма и вне таковых. Нет общественной черты, которая разделяла бы производительных и непроизводительных работников. Пора... полностью отказаться от старого... марксистского противопоставления производительного и непроизводительного труда" (с. 173).

Это новое общественное производство — можно сказать, "производство всего усилиями всех" — авторы называют биополитическим. "Прилагательное биополитический, — подчеркивают они, — указывает на прогрессирующее размывание традиционных различий между экономической, политической, социальной и культурной сферами" (с. 140). Идея "биополитического" является одной из центральных в книге, но не стоит обманываться относительно глубины ее проработанности. Несмотря на ясно заявленный теоретический характер исследования, за каждой теоретической выкладкой скрываются недвусмысленные практически-революционные выводы. С одной стороны, концепция "биополитического производства" призвана убедить читателя в том, что уход с исторической арены традиционного индустриального пролетариата и крайняя раздробленность и разобщенность подавленных классов не мешают организации всеобщего сопротивления. Более того, все угнетенные — от высокооплачиваемого наемного программиста до нищего индийского крестьянина — едины в своем качестве производителей "общего", а потому могут стать базой революционного движения. С другой стороны, "эксплуатация в условиях гегемонии нематериального труда не есть... присвоение стоимости, измеренной в единицах индивидуального или коллективного рабочего времени, а, скорее, это захват ценностей, произведенных кооперативным трудом и тем самым обретающих общность в результате циркуляции в общественных сетях" (с. 146). Поэтому господствующий класс естественным образом глобализируется и вечный непримиримый конфликт между угнетенными и угнетателями переносится из узких пределов национального государства на безграничные пространства всего земного шара.

Охарактеризовав значение нематериального труда в глобальном "биополитическом производстве", Хардт и Негри настаивают: этот труд тоже эксплуатируется, причем более изощренно. Здесь возникает потребность придать соответствующую концептуальность новому социальному противостоянию: определить, что именно приходит на смену традиционным общественным классам, а также прояснить вопрос о том, кто является коллективным субъектом биополитического производства, обретающего глобальный масштаб.

Как известно, ни основоположники марксистской теории, ни их последователи не смогли уйти от классового подхода и от традиционной дихотомии "индивид — общество". Если сегодня можно соглашаться с прогнозом К. Маркса и Ф. Энгельса о становлении в будущем бесклассового общества, то их убежденность в том, что путь к такому обществу лежит через победу пролетариата, оказалась явной ошибкой. Они сумели заглянуть за горизонт столетий, когда говорили о новом обществе как своего рода постэкономическом, но ошибались, связывая его начало с преодолением капиталистического строя. Их логика была безупречна, когда они обосновывали идею преодоления частной собственности в коммунистическом обществе, однако давала сбой при доказательствах, будто степень "обобществления" производства, достаточная для становления такого общества, уже достигнута.

Хардт и Негри предприняли попытку отойти от подхода, свойственного марксистам индустриальной эпохи. Выход из "западни", в которую попали ортодоксальные марксисты, они видят в новой парадигме, рассматривающей формирующееся глобальное сообщество как множество (*multitude*), не сводимое ни к массе, ни к классу, ни к народу. Понятие множества занимает центральное место в книге.

Если народ представляет собой общность, сплоченную определенной идентичностью, и потому воспринимает себя как некое естественное единство; если сущность массы состоит в ее неразличимости и она "способна двигаться в унисон лишь потому, что составляет расплывчатый, единообразный конгломерат"; если, наконец, понятие пролетариата "имеет ограничительный характер — не только для того, чтобы отличать рабочих от собственников, которым не нужно трудиться, чтобы заработать на жизнь, но и чтобы отделить рабочий класс от остальных трудящихся", то множество "является активным социальным субъектом, действующим на базе того, что связывает личности воедино. Множество — это внутренне разнообразный, сложный социальный субъект, строение и деятельность которого базируются не на идентичности или единстве (и тем более не на отсутствии различий), а на том, что в нем есть общего" (с. 130). Множество невозможно свести к какому-то одному облику, поскольку оно составлено из представителей отдельных культур, рас, этносов, гендеров, сексуальных ориентаций, разных форм труда, образов жизни, мировоззрений и устремлений; "множество — это плюральность, не поддающаяся упрощению; единичные социальные различия, присущие множеству, всегда должны находить свое выражение и не должны нивелироваться до состояния одинаковости, единства, общей идентичности или нейтральности" (с. 135). В общем, оно "характеризуется радикальными различиями составляющих его личностей, которых нельзя синтезировать в единую идентичность" (с. 429).

Эти особенности проявляются и на политическом уровне. Если признавать за множеством способность к экономической, политической и общественной самоорганизации, то "унитарный суверенитет постепенно становится излишним; дело не только в том, что суверенитет более не относится исключительно к сфере политического: множество просто изгоняет суверенитет из политики" (с. 410) — хотя бы потому, что само не является и не может быть источником суверенитета.

Возможно, внимательный читатель заметил в приведенных выше цитатах некоторую неуверенность авторов: описывая множество, они говорят то о "личностях", то о "представителях разных культур", то о "единичных социальных различиях". Дело в том, что в оригинале во всех этих отрывках речь идет о сингулярности, или сингулярии — понятии, которым пользуются в естествознании и которое образовано от латинского *singularis* — отдельный, особый. Сингулярий является своего рода квантом множества, но в то же время во всем множестве невозможно встретить двух одинаковых сингуляриев — и именно это отличает авторскую дихотомию "сингулярий — множество" от традиционного противопоставления индивида и общества. К сожалению, воспроизведение терминологического стиля авторов не могло быть обеспечено без предельного усложнения текста; поэтому в большинстве случаев понятие "сингулярий" переводится в книге как "личность". Рассуждая о сингулярии, Хардт и Негри имеют в виду "социального субъекта, чья оригинальность не может быть сведена к чертам сходства и отличает его от других" (с. 129), причем особо подчеркивают, что "компоненты "массы" или "толпы" не проявляют себя как личности и это с очевидностью доказывается тем, как легко различия между ними утопают в однообразии целого" (с. 130). Таким образом, здесь и далее под личностью мы понимаем нечто большее, нежели индивида в традиционном смысле слова — а именно человека, который не может и не должен презрительно считаться компонентом безликой и серой массы.

Так как "строение и деятельность множества базируются на том, что есть общего" между составляющими его членами, то *это общее* и называется авторами основной сплоченности множества. "Парадоксальным образом общее возникает на обоих концах биополитического производства: это и его конечный продукт, и

исходное условие. Общее является одновременно и естественным, и искусственным; это наша первая, вторая, третья и так далее натура. Нет такой личности, которая не конституировалась бы во множестве. Нет коммуникации, которая не имела бы всеобщего характера, поддерживающего и приводящего ее в действие. Нет и такого производства, которое не было бы одновременно сотрудничеством, основанным на общности. При таком биополитическом устройстве множества пересекаются с другими множествами, и из тысяч точек пересечения, из тысяч корней, соединяющих множественные производства, из тысяч отражений, рождающихся в каждой личности, неизбежно восстает жизнь множества. Множество представляет собой разрозненный набор личностей, порождающий общую жизнь; это своего рода социальная плоть, организующая саму себя в качестве нового общественного тела" (с. 420, 421). Множество, добавляя они, конституирует само себя, являясь "чем-то вроде языка, способного к самовыражению" (с. 409). Сколь убедительна эта позиция и что она дает для дальнейшего анализа?

На мой взгляд, в ней есть как минимум один позитивный момент, но в то же время и несколько — пусть не множество — недостатков. Положительной особенностью является отказ от поиска объединительных элементов в *общественном* и перенос акцента на *общее*. Мысль о том, что прогресс связан не с навязыванием множеству единых стандартов, а с поиском реально объединяющих отдельные личности начал, не снижающих степени их уникальности, достойна восхищения. Учитывая нынешнее состояние "множества", следует согласиться с авторами в том, что во имя текущей борьбы поиск "общего" оказывается вполне рациональным.

Хардт и Негри исходят из того, что множество формируется только там, где возникает нечто общее — взаимодействия, коммуникации, новые формы нематериальной деятельности. Но совершенно неочевидно, что тем самым "множество организует само себя" в некое единое целое. Скорее, оно возникает из целостности общества, сложившейся помимо естественной эволюции того, что авторы понимают под собственно множеством. Нынешнее состояние множества есть продукт процесса, в котором само множество как таковое не принимало участия; и поэтому утверждать, что уже сегодня можно различить основания его сплоченного единства, кажется преждевременным. Современное множество едино в своем желании конституироваться как множество; но это еще не значит, что оно знает, как это можно сделать. В этом отношении апелляции к чему-то общему выглядят беспроигрышно, потому что только к нему и остается взывать; но сам призыв во многом бессодержателен. К тому же, общее во множестве не зря связывается Хардтом и Негри с коммуникацией и взаимодействием сингулярных личностей — ведь сами сингулярии не могут быть похожими друг на друга; следовательно, *общее* возникает в данном случае в *общении*, что опять-таки тавтологично, потому что сам акт общения требует множественности его субъектов. Идея плодотворна, но в ее нынешней форме она вряд ли может служить прочной опорой для дальнейшего исследования.

Следующее утверждение авторов касается *имманентной демократичности множества*. В той же степени как современное производство — это "производство всего усилиями всех", современная демократия — это "управление каждого каждым" (с. 131), пишут они. "Приходится иметь дело с иной антропологической реальностью, с новыми агентами производства и субъектами эксплуатации, которые выступают в то же время и как личности. Активность таких личностей следует считать матрицей свободы и множественности для каждой из них. Тут демократия становится непосредственной целью, и ее нельзя, как раньше, оценивать

в либеральных терминах — как предел равенства, или же в социалистических — как меру свободы. Отныне она должна стать радикальным выражением *как свободы, так и равенства — без всяких ограничений*" (с. 272, 273). Особое внимание обращается в книге на необходимость восстановления этого понимания демократии — единственного, которое, по мнению авторов, соответствует исконному смыслу данной категории. Они дают очень интересный обзор трактовок демократии, доминировавших в различные исторические периоды на протяжении последних двухсот лет, и показывают, как далеко ушли мы от первоначального ее понимания. Приводя определение Дж. Ная, согласно которому "демократия — это правление должностных лиц, которые подотчетны и могут быть смещены большинством народа, на территории, на которую распространяется их юрисдикция" (с. 298), Хардт и Негри действительно заставляют читателя поверить в то, что большая часть современного глобального политического класса считает обывателей безнадежными простаками, если верит, будто такое понимание имеет нечто общее с исходным смыслом демократии. "Когда наши полномочия передаются группе правителей, то с этого момента все мы не занимаемся управлением, мы уже отделены от власти и представительства", — подчеркивают авторы, и с ними трудно не согласиться.

Какие выводы делаются из этих смелых утверждений? Авторы полагают, что требования демократии следует "очистить" от двух ограничений — от классового характера и от национальной структуры. Они напоминают, что на протяжении долгого времени одним из лозунгов социалистов было требование "демократии рабочих" или "самоуправления трудящихся", но это несбыточное желание либо тихо умерло по мере прогресса промышленной революции в середине XX столетия (на Западе), либо, "теряя последние элементы связи с множеством, деградировало и ужалось до фикции демагогического контроля и популистского консенсуса" (в СССР и странах "народной демократии"). Не менее опасно и ограничение демократии рамками одного национального государства, обычно обосновываемое отсутствием планетарного "демоса" и сложностью организации глобального представительства. Оба эти обоснования объявляются несостоятельными.

Хардт и Негри напоминают читателю дискуссии о демократии, охватившие европейских и американских интеллектуалов в XVIII столетии. Тогда широко распространились воззрения, согласно которым демократия была возможна в рамках греческих полисов, но неосуществима в пределах национального государства. Сегодня мало кто вспоминает эти дебаты, а "сторонники демократии сталкиваются с таким же скептическим аргументом: демократия, вероятно, мыслима в пределах отдельных стран, но в масштабах глобализированного мира выглядит совершенным абсурдом" (с. 375). Должно ли это убеждать человека, верящего в прогресс и знакомого с ходом истории? Вряд ли, говорят авторы.

Проблема глобального представительства действительно выглядит практически неразрешимой. Хардт и Негри предлагают несколько схем "всемирной ассамблеи" — но только для того, чтобы показать, что все они нереализуемы, а наиболее развитая наднациональная политическая форма — Европейский союз — отличается прежде всего отсутствием традиционно понимаемого представительства. У авторов есть на это готовый ответ: "Главным осложнением в предложениях по созданию нового представительного органа для всего мира... является понятие представительства как такового" (с. 360). Нужно уйти от самой этой идеи, чтобы открыть путь самоуправлению множества утверждают они.

Итак: с одной стороны, необходимо отступить в XVIII век, чтобы возродить атмосферу интеллектуального поиска; с другой — нужно осуществить скачок в бу-

дущее, чтобы отказаться от идеи представительства, определяющей принципы демократии. В условиях упадка национальных государств и снижения роли и значения суверенитета "нет другой основы для производства норм, кроме множества"; "множество оказывается единственным социальным субъектом, которое способно реализовать идею демократии, понимаемой как управление каждого каждым", а "созидание демократии, — единственный путь, позволяющий закрепить власть множества". Но что такое "власть множества", если не состояние свободы? Поэтому демократия и свобода неразделимы; невозможно и даже безрассудно требовать свободы сейчас, а демократии — попозже. "Демократию, при которой мы все, участвуя в биополитическом производстве, совместно создаем и в то же время сохраняем социальные связи, мы и называем "абсолютной"" суммируют авторы свое видение проблемы (с. 423).

Несмотря на то, что "никогда не ощущалось большей потребности в демократии, нежели сейчас" (с. 2), предложения по демократизации мира никогда не сталкивались со столь мощным сопротивлением, как теперь, а ощущение подавленности и несвободы давно не было столь всеохватывающим. Почему? Потому, отвечают авторы, что подъем множества — это страшная угроза для того господствующего глобального класса, который присваивает универсальный продукт этого множества. Именно этот класс воплощает в наше время всемирную реакцию, задача которой — не допустить не столько "освобождения" множества, сколько его консолидации и осознания им самого себя именно как множества — всевластного и всемогущего. А для достижения такой цели хороши любые средства, поскольку ставки в борьбе высоки как никогда прежде.

Борьба "множества" с диктатурой господствующего класса разворачивается сегодня не только "по всей линии фронта", но идет и "в тылу" у каждого из противников. Война превратилась из ужасной аномалии в нормальное состояние, из конфликта между отдельными государствами и народами в некое подобие гоббсовской "войны всех против всех". Она "обретает генерализированный характер, подавляя все проявления общественной жизни и навязывая свой собственный политический порядок, [тогда как] демократия выглядит безвозвратно утерянной, глубоко погребенной под режимами милитаризации и обеспечения безопасности" (с. 2).

В описании современной всеобщей войны Хардт и Негри исходят из понимания нынешней эпохи как "переходного периода, или, скорее, *поры межвременья*... в ходе которой национальная парадигма государств эпохи модернити переходит в новую глобальную форму и которая характеризуется *избытком новых властных структур*" (с. 200, 201). Глобализирующаяся экономика с необходимостью требует установления глобальных правил; "экономические, политические и чиновничьи элиты мира должны работать вместе и находиться в постоянном контакте" (с. 207), и целью такого взаимодействия является прочное доминирование над теми, кого авторы предпочитают обобщенно именовать "опасными классами". Этот термин очень точен, сегодня правительства в самых разных регионах мира не столько стремятся выступать посредниками между трудящимися массами и предпринимательской верхушкой, как это было, например, в первой половине и середине XX в., сколько "полностью стоят на стороне капитала, и какие-либо посреднические механизмы для переговоров по поводу его конфликтных отношений с рабочим классом отсутствуют" (с. 220). Поэтому современная власть — какой бы она ни была — практически всегда проявляется как антидемократическая; по той же причине "государства — как мощные, так и уступающие им в силе — не склонны к последовательным действиям по устранению ни-

щеты и неравенства" (с. 367): ведь наличие разделенности и присутствие в мире отчаявшихся и оттого возмущенных масс поддерживает то ощущение опасностей, борьбе с которыми якобы посвящают себя государства. В результате "присущие эпохе модернити взаимоотношения между политикой и войной превратились в свою противоположность; война не является отныне инструментом, находящимся в распоряжении политических сил, к которому они прибегают в ограниченном числе случаев — напротив, сама война определяет основу политической системы" (с. 411).

Хардт и Негри, разворачивая картину всепроникающей войны (они не могут удержаться от соблазна назвать ее IV-й мировой), с необходимостью приходят к выявлению двух примечательных особенностей современной жизни, которые нетрудно обнаружить и в нынешней российской действительности. *Первая состоит* в резком изменении риторики господствующего класса: "Одним из показателей нового, активного, конституирующего характера войны является *переход в политике от "обороны" к "безопасности"*" (с. 35). При этом "концепция безопасности ведет к устранению различий между внешней и внутренней сферами, между армией и полицией; если "оборона" предполагает наличие защитного барьера против внешних угроз, то "безопасность" оправдывает постоянную военную активность — как на собственной территории, так и за рубежом" (с. 36). К этому можно добавить, что обеспечение безопасности становится делом *избыточных структур власти* — не военных и не правоохранителей, а разного рода представителей спецслужб, разведывательных структур, тайных агентов и т. п., — всех тех, для кого в русском языке нашлось емкое слово "силовики". Их призвание, действительно, состоит не более чем в демонстрации силы, так как реальное устранение существующих угроз совершенно не входит в их намерения. *Второй* важной особенностью оказывается то, что возможности этих сил подавления крайне ограничены — причем не их потенциалом или силой сопротивляющихся, но самой логикой современных силовых акций. По сути, в новых условиях власть, борющаяся за обеспечение "безопасности", больше легитимизирует себя через установление порядка (той же пресловутой "стабильности"), чем добивается лояльности граждан. Однако силовики не заинтересованы в достижении стабильности уже потому, что таковая ставит под сомнение их собственную необходимость. Поэтому нынешнее состояние можно сравнить с функционированием ядерного реактора — система действует до тех пор, пока воспроизводится угроза (т. е. графитовые стержни не опущены слишком глубоко), и потому ее адепты стремятся ускорить реакцию; однако последнее способно привести к неконтролируемым процессам, и в таком случае исчезнет уже не потребность в поддержании "порядка", а сам "порядок", который следует поддерживать. Насилие, к которому прибегают современные власти, "не обязательно законно или нравственно, но будет считаться оправданным [до тех пор, пока] приводит к воспроизводству порядка; однако как только принуждение перестанет обеспечивать порядок,.. основа его легитимации исчезнет". Поэтому силовая верхушка обеспечивает себе лишь "самую сомнительную и нестабильную" из форм легитимности (с. 48). Заметим, что логика развития событий, например, на Северном Кавказе убедительно подтверждает точность подобного "диагноза".

Стремления нынешних властей — как отдельных стран, так и глобального господствующего класса — в целом вполне понятны. Используя предельно широкие определения терроризма и обозначая этим термином весьма разнородные процессы, в том числе выступления против формально законных правительств, практику ведения войны с нарушением установленных правил и даже нарушение

прав человека со стороны сопредельных государств, "сильные мира сего" пытаются криминализировать любые протестные движения, прививая обывателям то же самое ощущение их "противозаконности", с каким сами относятся к практически любой форме социального протеста. Можно сказать, что власти порождают атмосферу, "создающую препятствие для всех сил, нацеленных на общественные изменения" (с. 28). Но на этом они не останавливаются. Еще более важной задачей оказывается формирование условий для бесконечной и непрекращающейся "борьбы за безопасность", причем в сферу этой борьбы попадают хозяйственная деятельность и экономические интересы государства. Ко всему же, что так или иначе находится вне компетенции силовиков, следует относиться не более чем как объекту контроля и регулирования. "В общественном плане, — пишут Хардт и Негри, — тенденция состоит в том, чтобы все сделать публичным, т.е. открыть для правительственного наблюдения и контроля; в то же время в экономическом плане дело идет к приватизации и подчинению всего и вся праву частной собственности" (с. 253). Эта борьба за собственность — и за возможность присваивать многое из того, что всегда считалось общественным или что по праву должно принадлежать лишь множеству, — является, по мнению авторов, основной, хотя, безусловно, далеко не "окончательной" целью тех, кто воплощает в себе современную глобальную власть.

"Война с террором", "конфликт цивилизаций", "противостояние экстремизму и фундаментализму" — все это слова и лозунги, призванные оправдать насилие, к которому власти готовы прибегнуть в любой момент и в любой точке мира. Одним из средств такого оправдания служит новая глобальная "правовая" система, базирующаяся на идее "защиты прав человека", преследованиях за "преступления против человечности" и международном судопроизводстве, что в конечном счете "направлено на разрушение прав и суверенитета народов и стран с помощью практики наднациональной юрисдикции" (с. 46). Авторы отнюдь не возражают против практики защиты попираемых прав, против предоставления человеку возможности отстаивать их, как находясь под национальной юрисдикцией, так и оказавшись за ее пределами. Они обращают внимание лишь на тот факт, что к правам человека начинают относиться как к правовой категории, хотя на самом деле соответствующая доктрина в нынешнем ее состоянии является не более чем "фигурой речи". Все акции по "защите прав человека", напоминают Хардт и Негри, предпринимаются сегодня отдельными государствами или их коалициями, причем в ходе таких акций попирается суверенитет других стран. Сами же государства-защитники прав человека не горят желанием ограничить свои суверенные полномочия, хотя на их территории права человека нарушаются порой не менее очевидным образом, чем на мировой "периферии". Поэтому "осуществимость прав человека по всему миру не будет достигнута до тех пор, пока для этого нет законной институциональной структуры" (с. 334), а эпизодические усилия стран Запада по их соблюдению обусловлены скорее их экономическими и геополитическими интересами, чем стремлением принести благо всему человечеству.

Этот новый мировой порядок авторы считают глобальной Империей, которая господствует сегодня над миром и является орудием капиталистического класса. Ее особенность состоит в том, что она пытается управлять миром *не посредством прямого и систематического насилия*, как то делали, например, колониальные державы, захватывавшие значительные заморские территории, а *посредством страха, вызываемого угрозой насилия*, — *волюнтаристского и порой беспричинного*. Сходство результата, каковым, при различии в методах, оказывается подавление воли к сопротивлению и расширение ареала господства, и позволяет

называть возникающий мировой порядок имперским, но не империалистическим. Этот порядок подразумевает как неограниченно свободу действий всемирной властной элиты, так и ее минимальную ответственность за их результаты — и то, и другое обусловлено самой логикой доминирования в современном мире.

Специфическими особенностями этой системы являются преобладание силы и экономической мощи над правом и нравственностью. Соединенные Штаты, ставшие к концу XX столетия единовластным лидером формирующегося нового мирового порядка, пришли к этому статусу, как подчеркивают Хардт и Негри, отнюдь не потому, что имеют за плечами масштабный опыт демократии и республиканизма, а в первую очередь потому, что являются державой, самой мощной в военном отношении; страной, извлекающей все возможные преимущества из своего несокрушимого экономического положения и контроля за глобальными финансовыми потоками. И в той мере, в какой становится общепризнанным, что "в чрезвычайной ситуации суверену надлежит встать выше закона и взять все бразды правления в свои руки,.. исключительная мощь США и способность к доминированию в рамках сложившегося мирового порядка" (с. 21) делают их "незаменимой нацией", о чем так часто и охотно рассуждают и американские демократы, и американские республиканцы. При этом Соединенные Штаты пытаются укреплять свое господство и иным путем: через насаждение во всем мире своих законов, которые принимаются сначала предпринимателями, заключающими контракты и договоры по американским стандартам, затем международными экономическими и финансовыми организациями, а потом национальными юристами.

В эпоху модернити любая государственная власть не только давала ее обладателю определенные преимущества, но и возлагала на него очевидную ответственность. Теперь же главные инструменты давления на другие страны имеют экономическую природу, имперскость не требует контроля над территориями и потому не предполагает серьезной вовлеченности в дела мировой периферии. Институты, управляющие современным миропорядком — от МВФ до Пентагона, — "организованы противоположным образом, нежели механизмы общественного или политического представительства, и, кроме того, не отвечают даже минимальным критериям буржуазного либерализма или публичной сферы; подобная замена политики администрированием, — заключают авторы, — является общим феноменом, который противоположен демократической легитимности" (с. 355, 356).

Однако это ощущение мощи и могущества — не более чем иллюзия. На деле, отмечают Хардт и Негри, западный мир отнюдь не так всемогущ, как может показаться. Избегание ответственности за судьбы периферии и желание лишь "снимать сливки" с неуправляемых процессов глобализации приводит к стремительному росту количества своеобразных "черных дыр" — территорий, где не существует законов и права, где развиваются социальные и экономические процессы, все больше угрожающие господству Запада над миром. Оттуда же подчас проистекают и явно антисистемные движения, которые наносят мощные удары по западной цивилизации. Успех этих движений обусловлен прежде всего их асимметричным характером, не позволяющим Западу подготовиться к их отражению. С глобальным "центром" борются сегодня движения, имеющие сетевую природу. Прежде наличие таких движений скрывалось коммунизмом, который был первым "сетевым" противником Запада. "Считалось, что у основного суверенного врага просто очень много агентов; [но] после завершения "холодной войны" национальные государства уже не застыт горизонт, и сетевые враги полностью вышли на свет" (с. 78). Однако этот "выход" можно назвать таковым только

с большой натяжкой; непосредственный источник опасности в большинстве случаев остается скрытым даже от глаз профессиональных борцов за безопасность. Враги глобальной Империи практически неуловимы, да и масштаб противостоящих "армий" не вполне ясен. Для подавления такого сопротивления американцы и их союзники используют так называемую "серую" стратегию, в которой смешаны военные и гражданские компоненты, а военная сила самыми разнообразными способами "сочетается с социальным, экономическим, политическим, психологическим и идеологическим контролем" (с. 75).

Но и самые изощренные методы контроля не обещают полной и окончательной победы. В конфликтах, происходящих в этой "серой" зоне, силы Империи оказываются недостаточными, что подтверждает опыт не только Вьетнама 60-х и 70-х годов, но и Ирака 2000-х. "В мире, где... насилие не будет [считаться] легитимным, в принципе допустимо называть всякое насилие терроризмом" (с. 43), утверждают авторы, и они несомненно правы. А коль скоро американские военнослужащие в Ираке или российские солдаты в Чечне воспринимаются местным населением как сеющие смерть террористы, вся разработанная в США или России идеология антитеррористической борьбы оборачивается против самих борцов с террором, а сетевые структуры, противостоящие им, начинают множиться с невиданной быстротой. Когда же та или иная "страна... *пытается оттолкнуть от себя сеть, это напоминает попытку отмахнуться палкой от набегающей волны*" (с. 85). Результатом становятся разочарование и паника; законопослушное население начинает понимать, что "война с террором" приводит к свертыванию свобод и к упадку того общества, в котором ему привычно жить. Но и отказ от борьбы тоже не сулит ничего хорошего... "Если мы ничего не предпринимает, то нас уничтожат наши враги; если мы начинаем воевать с ними, то все равно в конце концов губим сами себя" (с. 23) .

Это один из самых впечатляющих выводов Хардта и Негри. Трудно не согласиться со многим из того, что они пишут относительно иллюзорности победы в войне с террором. Похоже, что современные политики, все больше втягиваясь в борьбу с этим несомненным злом, утрачивают чувство реальности, оказываются все сильнее скованными примитивными идеологическими предрассудками.

Нет никакого сомнения в том, что книга о "Множестве" станет важной вехой в развитии леворадикальной политической мысли. По сути, здесь мы имеем дело с первой серьезной попыткой осмыслить изменения, происшедшие в мире с середины 70-х годов — т. е. со времени формирования основ постиндустриального общества, — в рамках марксистской интеллектуальной парадигмы. Хардт и Негри пошли "другим путем", явно не совпадающим с тем, что считался для "марксистов" традиционным в последние десятилетия XX в. Они не исследовали очередной, неведомо какой по счету период "общего кризиса капитализма", а смело пошли вперед, пытаясь обнаружить так много отличий нынешнего мира от прошлого, как это только возможно. И в анализе новых особенностей современного нам глобального порядка Хардт и Негри преуспели как, пожалуй, никто другой из ныне пишущих марксистов. Их теоретические выкладки — пример исключительной интеллектуальной смелости. Их отрицание всех и всяких стереотипов достойно самого искреннего восхищения. Концепция нематериального производства, идея противопоставления сингулярия и множества, обоснование нынешнего этапа развития как провоцирующего непрекращающуюся глобальную войну — все эти оригинальные положения достойны стать незаменимыми элементами современной марксистской теории. Эта теория сегодня жива и, несомненно, будет жить, пока в свет выходят столь новаторские теоретические исследования.

Рецензируемая книга открывает новые перспективы перед сторонниками левых идей — если не в плоскости практической борьбы, то во всяком случае — в теоретической сфере. Это особенно важно для России, где на протяжении 15 лет целенаправленного демонтажа "реального социализма" левая идеология пришла к глубокому упадку, причем не столько из-за гонений на нее, сколько по причине неспособности ее адептов сколь-либо творчески осмыслить происходящие в мире (и даже в стране) процессы. Сравнивая позиции нынешних российских коммунистов, в экономике ратующих за усиление государственного контроля, а политически спекулирующих на восстановлении "национальной идентичности" и укреплении государственности, с рассуждениями авторов книги, можно легко видеть, как безнадежно далеко отошли российские левые от коммунистических идей.

Хардт и Негри оставили своим последователям бескрайнее поле для дальнейшей работы. Они показали, что сегодня на авансцену "биополитического производства" выходит весьма своеобразная деятельность, по сути своей не всегда сводимая к труду, в большинстве случаев несопоставимая с активностью других людей, не воплощающаяся в стоимостных оценках — по сути своей неэкономическая. С этой деятельностью и с ее субъектом они связывают перспективы преодоления эксплуатации и разрушения капиталистической Империи. Эта точка зрения должна быть признана основательной и серьезной — хотя бы потому, что возникающее новое основание деятельности общества практически однозначно лишает его всякой возможности развиваться в прежнем капиталистическом русле.

Однако в том материальном мире, где живет сегодня подавляющее большинство населения планеты, пока не существует форм и методов эффективной координации нематериалистической мотивированной деятельности. Пресловутое "общее", не воплощающееся в индивидуальном (или сингулярном) интересе, вряд ли может стать основой для поступательного общественного прогресса. По крайней мере, нам не назвали ни одного примера действий "множества", которые были бы направлены на что-то, кроме борьбы с Империей, — и то порой принимающей, как пишут М. Хардт и А. Негри, форму неких "карнавальных действий".

Апологетизируя "сопротивление", поднимая его до уровня самодостаточной сущности, авторы "Множества" ставят себя в трудную ситуацию. Будучи прекрасно знакомы с историей освободительных и протестных движений, они убедительно показывают, как недемократическое меньшинство не раз и не два с легкостью узурпировало власть в ходе освободительной борьбы, что низводило эти движения, начинавшиеся с гуманистических лозунгов, до инструментов утверждения нового авторитаризма. Уверены ли они, что "множество" способно не повторить этих ошибок? Может быть, но едва ли этой уверенностью проникнется значительная часть читателей. Убеждены ли авторы "Множества", что Империя должна быть разрушена, какой бы ни оказалась цена этого разрушения? Да, но и в этом случае перспективы остаются слишком туманными, чтобы их можно было воспринимать как стимул для непосредственных решительных действий.

Все эти вопросы будут, несомненно, прояснены в ходе дальнейших исследований и социальных экспериментов. У последователей М. Хардта и А. Негри хватит "работы" на долгие годы. А в том, что число таких последователей будет умножаться во всем мире, после прочтения книги не остается сомнений.

*В. Л. Иноземцев,
доктор экономических наук*